

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как на пути Танского монаха выросла Огнедышащая гора, и как Сунь У-кун пытался в первый раз раздобыть волшебный веер

Бесчисленны снедающие страсти,

Однако же природа их едина

Бесчисленны тревоги и напасти,

И кажется печаль неодолимой.

Десятки тысяч дум, волнений и забот,

Которым нет ни края, ни конца,

В свой гибельный влекут круговорот

Смятенные, смущенные сердца.

Но все ж настанет день, когда предел

Положен будет тяжким испытаньям,

Лавине столь пустых, столь неотложных дел,

И суетным мечтам и суетным дерзаньям.

Настанет день, когда к земным страстям

Дух человеческий навеки охладееет,

Когда душа ослепшая прозреет

И в славе вознесется к небесам.

Тогда не будет к западу восток

Стремиться, каждой Истины гонимый,

Тогда сгорят в огне неопалимом

Забота, суета, желанья и порок.

Восстав из раскаленного горнила,

Одарена бессмертием, нетленна,

Душа навек избавится от плена,

И обретет незыблемую силу.

Итак, мы остановились на том, что Танский монах, повинуясь указаниям бодисатвы, снова принял к себе Сунь У-куна. Он отбросил всякие подозрения и, обуздав беспокойное, как обезьяна, сердце и быстрые, словно конь, мысли, вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном отправился на Запад.

Пока мы все это рассказывали, время летело с быстротой стрелы, солнце и луна сновали по небу, подобно ткацким челнокам, промчались знойные дни лета, и вот наступила глубокая осень, украсившая пейзаж серебристым инеем.

Стремительный ветер рвет облака,
Свинцовым налетом покрылась река,
Вчера еще бывшая синей...
Доносится крик журавлиный
Откуда-то издалека.
Печально и хмуро глядят небеса,
Как горные выси, поля и леса
Парчой своей выстелил иней...
Как лебеди, водной стихии краса,
Летят вереницею длинной
В страну, где неведомы зимы...
Как ласточек стаи стремятся на юг,
В края, где не знают морозов и вьюг...
Старается странник не сбиться с пути,
Торопится путник скорее дойти
До цели, до верного крова...
Кто в рясе монашьей боится найти
Погибель от холода злого?

Путники все шли и шли, и чем дальше они продвигались вперед, тем становилось все жарче, казалось, что от раскаленного воздуха они сварятся живьем. Танский монах не вытерпел, остановил коня и спросил:

— Отчего такая невыносимая жара? Ведь наступила глубокая осень.

Чжу Ба-цзе отвечал:

— Разве вы не знаете, в чем дело? По дороге на Запад находится государство Сыхали, а в этом государстве есть место, где заходит солнце. В народе это место называют: «Край неба». Между пятью и семью часами правитель этого государства посылает жителей на городские стены, чтобы они били там в барабаны и трубили в рога, заглушая клочотанье кипящего моря, в которое погружается раскаленное солнце. Ведь солнечный диск является истинным огнем мужского начала ян, и когда он опускается в водные просторы Западного моря, то получается то же, что с обычным огнем, когда его заливают водой; вода начинает шипеть и бурлить, и если не заглушить это шипение грохотом барабанов и звуками рогов, то могли бы погибнуть все младенцы в городе. Я думаю, что мы приближаемся к этому месту: вот почему здесь такая сильная жара...

Сунь У-кун прыснул со смеху.

— Да перестань ты, Дурень, чепуху молоть! — сказал он. — Говорить о государстве Сыхали пока еще рано. Если наш наставник будет всякий раз задерживаться в пути и то выгонять, то снова принимать своих спутников, ему придется прожить до старости, затем снова стать младенцем и так три раза стареть и молодеть, — но даже за это время он все равно не достигнет цели.

— Если я ошибаюсь, то скажи, пожалуйста, почему здесь такая нестерпимая жара? — насмешливо возразил Чжу Ба-цзе.

— Думаю, что нарушены периоды времени, — вмешался тут Ша-сэн, — и вернулось лето. Вот в чем причина.

Пока трое спутников Танского монаха вели между собой этот спор, в стороне от дороги показалась усадьба с домами, крытыми красной черепицей, со стенами из красного кирпича, с воротами, выкрашенными в красную масляную краску. И даже скамейки перед воротами тоже были покрыты красным лаком. Словом, вся усадьба была красная.

Танский монах спешил и обратился к Сунь У-куну.

— Сходи в усадьбу и разузнай там, почему здесь такая нестерпимая жара?

Великий Мудрец спрятал свой посох, поправил на себе одежду и принял благообразный вид. Свернув с дороги на тропинку, он направился напрямик к усадьбе и подошел к воротам. Неожиданно из ворот вышел старец, вид которого лучше описать в стихах:

То ли желтая, то ли красная,

То ли чистая, то ли грязная,

Дерюжная, неподпоясанная

Одежда на нем была.

Из грубого лыка плетеная,

То ли синяя, то ли черная,

А может быть, и зеленая

Шляпа на нем была.

То ли новенькая, начищенная,

С высокими голенищами,

То ли рваная, как у нищего,

Обувь его была.

Посох его бамбуковый

Или из ветви буковой,

То ли согнутый и кривой он был,

То ли прямой, как стрела.

Лицо не сказать, чтоб бледное,

Цвета кирпично-медного,

Очи — как у орла,

Зубы, хотя и редкие, Все же отменно крепкие,

А борода — бела.

Увидев перед собой Сунь У-куна, старец вздрогнул от неожиданности. Опираясь на посох, он произнес строгим голосом:

— Откуда ты, странный человек, и что делаешь здесь, у ворот моего дома?

В ответ Сунь У-кун вежливо поклонился, а затем сказал:

— Почтенный благодетель мой! Не бойся, я вовсе не странный, а странник и иду из великого Танского государства, что в восточных землях, на Запад за священными книгами. Нас с наставником всего четверо. Подходя к этим местам, мы почувствовали нестерпимую жару и не могли понять причины этого явления. Кроме того, мы не знаем, как называется это место. Только это и побудило меня явиться к твоему дому. Прошу тебя ответить, за что и кланяюсь особо!

Старец успокоился и, улыбаясь, сказал:

— Ты уж прости меня старика. Подслеповат стал и не разглядел твоего благочестивого лица!

— Да что ты! — поспешил вежливо ответить Сунь У-кун.

Старец пустился в расспросы:

— Где же остался твой наставник?

— А вон он, — отвечал Сунь У-кун, — стоит на дороге.

— Прошу пожаловать! Прошу пожаловать! — стал приглашать старец.

Сунь У-кун обрадовался и махнул рукой.

Танский монах вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, один из которых вел белого коня, а другой нес коромысло с поклажей, подошли ближе и совершили приветственные поклоны.

Старец был и встревожен и обрадован. Благообразный и воспитанный Танский монах ему понравился с первого же взгляда, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн напугали его своим диковинным видом. Однако пришлось в ответ на вежливые поклоны предложить путникам войти в дом. Хозяин велел слугам подать чай, а в соседнем помещении приготовить еду. Услышав это, Танский монах поднялся со своего места, поблагодарил хозяина, а затем спросил:

— Скажи, почтенный мой сударь! Здесь ведь уже осень, почему же стоит такая жара?

— Наша местность называется Огнедышащая гора, — отвечал добродушный старец. — Здесь не бывает ни весны, ни осени, и жара стоит все четыре времени года.

— А где же находится сама гора? — стал допытываться Танский монах. — Не задержит ли она нас? Мы идем на Запад.

— На Запад здесь никак не пройти, — отвечал старец. — А сама гора находится в шестидесяти ли отсюда, как раз там, где проходит путь на Запад. Она извергает пламя на восемьсот ли вокруг, и во всем крае нет никакой растительности. Даже тот, у кого медная голова и железное тело, если вздумает перейти через эту гору, все равно расплавится.

Эти слова так напугали Танского монаха, что он сразу изменился в лице и не осмелился продолжать расспросы.

В это время за воротами показался юноша с красной тачкой, который остановился и стал кричать:

— Кому хлебцы, кому хлебцы?

Великий Мудрец выдрал у себя шерстинку, превратил ее в несколько медных монет и попросил у юноши хлебец. Тот взял деньги, спокойно приподнял чехол, покрывавший тачку, оттуда вырвался горячий пар, и, достав хлебец, передал Сунь У-куну. Как только Сунь У-кун взял хлебец в руки, ему показалось, что он держит кусок раскаленного угля или железный гвоздь, раскаленный докрасна в кузнечном горне. Посмотрели бы вы, как уморительно он перебрасывал хлебец с одной руки на другую, приговаривая:

— Горячо! Ой, как горячо! До чего же горячо! В рот не возьмешь!

Юноша рассмеялся:

— Если боишься жары, лучше здесь не появляйся! Тут всегда жарко.

— Я вижу, что ты, парень, не очень-то смысленный, — оборвал его Сунь У-кун. — Слыхал ли ты пословицу: «Без холода и жары — хлеба не родятся»? А здесь у вас уж очень жарко. Откуда же вы достаете муку для этих хлебцев?

— Если хочешь знать, — отвечал юноша, — мы вымаливаем хлеб у здешнего праведника по прозвищу Железный веер.

— А он при чем здесь? — заинтересовался Сунь У-кун.

— У него есть волшебный веер из листа банана. Если он соглашается взмахнуть им, огонь сразу же гаснет; в другой раз взмахнет, ветер поднимется, а в третий раз взмахнет — пойдет дождь. Так вот мы сеем и убираем, когда ему угодно, и имеем поэтому все пять видов хлебных злаков. Иначе бы нам жить было нечем. Ведь здесь ничего не растет.

Сунь У-кун выслушал юношу, затем поспешно вбежал в помещение и, передавая хлебец Танскому монаху, сказал:

— Наставник! Пока не надо беспокоиться. Съешь этот хлебец, а потом я сообщу тебе кое-что.

Наставник взял хлебец и, обращаясь к старцу, хозяину усадьбы, сказал:

— Почтенный сударь мой! Разреши мне попотчевать тебя этим хлебцем!

— Да что ты? — возразил старец. — Неужели я осмелюсь взять твой хлебец, когда еще не угостил тебя в своем доме?

Сунь У-кун засмеялся:

— Уважаемый хозяин! Угощать нас вовсе незачем! Ты лучше скажи, где живет праведник по прозванию Железный веер?

— А почему ты о нем спрашиваешь? — заинтересовался старец.

— Продавец хлебцев только что рассказал мне о нем. Оказывается, он владеет волшебным веером из листа банана. Взмахнет раз — огонь погаснет, взмахнет во второй раз — ветер поднимется, а в третий раз — дождь польет. Но об этом его надо просить, иначе вам ни сеять, ни убирать нельзя. Так вот, я хочу попросить этого праведника погасить на время огонь, пока мы переберемся через гору, да и вы вовремя соберете урожай.

Старец подумал и ответил:

— Все, что вы слышали, сущая правда. Но у тебя не найдется подарков, чтобы задобрить его, а без них этот мудрец не явится.

— А какие ему нужны подарки? — спросил Танский монах.

— Здешние жители, — отвечал старец, — раз в десять лет устраивают в честь его богослужение, приносят этому праведнику четырех свиней, четырех овец, красные и цветные материи на одежду и подкладку, разные благовония и свежие плоды, дарят ему кур, гусей, сладкие вина, совершают почтительные омовения, затем идут на гору, где живет праведник, и просят его выйти из пещеры и совершить волшебство.

— Где находится гора, в которой он живет? Как она называется и сколько ли до нее? — допытывался Сунь У-кун. — Я сам к нему отправлюсь и выпрошу у него волшебный веер.

— Эта гора находится на юго-западе, — отвечал старец, — и называется горой Изумрудных облаков. Там же есть пещера, в которой живет праведник. Пещера эта называется Банановая пещера. Наши люди, отправляющиеся на поклон к праведнику, тратят на дорогу туда и обратно ровно месяц, что примерно должно составить тысячу четыреста пятьдесят или шестьдесят ли.

Сунь У-кун сразу же повеселел:

— Это пустяки! Я мигом слетаю туда и обратно.

— Постой! — остановил его старец. — Выпей чайку да поешь чего-нибудь. Надо взять с собой еду на дорогу и найти проводника, так как места эти безлюдные и кишат волками и тиграми. В один день туда никак не добраться. Это тебе не шутки!

— Не надо! Ничего не надо! — Посмеиваясь, наотрез отказался Сунь У-кун. — Я сейчас же отправлюсь!

С этими словами он бесследно исчез.

— О небо! Да ведь это, оказывается, небожитель, летающий на облаках, — испуганно произнес старец.

Пока не будем рассказывать о том, как хозяин усадьбы стал еще любезнее обходиться с Танским монахом, и обратимся к Сунь У-куну, который мигом долетел до горы Изумрудных облаков, остановил облако и быстро отыскал пещеру. Нождаданно застучал топор дровосека. Сунь У-кун быстрыми шагами направился в лес и, подхода ближе, услышал, как дровосек говорил нараспев:

Пусть снег глаза запорошит, сойдет туман с небес,

К тебе дорогу все равно найду, мой старый лес!

Пусть скрыта узкая тропа средь зарослей и скал,

Ее и в темноте ночной всегда б я отыскал

Над склоном западным дожди сегодня пролились,

На склоне южном все ручьи сегодня разлились,

Стал полноводен и шумлив сверкающий поток,

Через него не перейти,— настолько он глубок!

Сунь У-кун подошел к дровосеку и, вежливо поклонившись, сказал:

— Любезный брат мой! Разреши тебя приветствовать.

Дровосек отбросил в сторону топор и также вежливо ответил на поклон:

— Почтеннейший! Куда путь держишь?

— Позволь мне прежде спросить тебя, уважаемый дровосек, это ли гора Изумрудных облаков?

— Она самая и есть! — отвечал дровосек.

— А где тут Банановая пещера, в которой обитает праведный отшельник по прозванию Железный веер?

Дровосек рассмеялся:

— Пещера есть, а вот отшельника не существует. Есть царица по прозванию Железный веер, известная также под именем Лоча, что значит Свирепая дьяволица.

— Не она ли обладает банановым веером, которым, как говорят люди, можно погасить Огнедышащую гору? — спросил Сунь У-кун.

— Да, она действительно обладает волшебным веером. Она может гасить им огонь и защищает тех, кто живет вон в той стороне. Поэтому они и прозвали ее праведник Железный веер. Мы же, живущие здесь, не нуждаемся в ее помощи, а поэтому зовем ее просто Свирепая дьяволица. Она жена слугителя подземного царства — Князя с головой быка.

При этих словах Сунь У-кун так сильно встревожился, что даже изменился в лице. Он подумал про себя: «Опять враг стал на моем пути! Ведь приведенный мною в покорность Красный младенец — его родной детеныш! Недавно на горе Освобождения от мужского начала в пещере Гибели младенцев я повстречался с дядюшкой этого младенца. Мало того, что он не хотел дать мне целебной воды, он еще собирался отомстить. А теперь, видно, придется встретиться с родителями этого младенца. Эх! Разве удастся взять у них веер?»

Заметив, что Сунь У-кун погрузился в глубокое раздумье, молчит и лишь тяжело вздыхает, дровосек усмехнулся.

— Почтеннейший! Ты, я вижу, монах, отрешившийся от мирской суеты. Какая же забота так беспокоит и печалит тебя? Ступай-ка по этой маленькой тропинке прямо на восток, пройдешь не более пяти или шести ли, там и будет Банановая пещера. Не надо так отчаиваться.

— Не стану скрывать от тебя, уважаемый дровосек, — отвечал ему Сунь У-кун, — я старший ученик и последователь Танского монаха из восточных земель, того самого, который направляется на Запад за священными книгами. В позапрошлом году в пещере Огненных облаков мне довелось повздорить с сыном Свирепой дьяволицы, которого зовут Красный младенец, и, конечно, она затаила злобу против меня и ни за что не даст мне своего веера. Вот, что меня тревожит...

Дровосек стал советовать ему:

— А ты, сударь мой, не признавайся в том, что было. Постарайся понравиться ей и попроси одолжить тебе веер — вот и все. Уверен, что она не откажет в твоей просьбе.

Сунь У-кун был очень тронут добрым советом, по-монашески поблагодарил дровосека, пожелал ему всяких благ и добавил:

— Благодарю за то, что ты надоумил меня. А теперь я отправлюсь в путь!

Простившись с дровосеком, Сунь У-кун пошел по указанной тропинке и вскоре очутился перед входом в пещеру. Ворота были крепко заперты. Перед ними открывался великолепный вид; всю красоту его можно передать только лишь в стихах.

Горы из камня сделаны

Черного, красного, белого,

Камни — земная сила.

Зори в них отражаются.

Мхи их разрезать стараются,

Чтоб были они красивы.

Горы здесь выше, чем те, что на острове Пын,

Цветы — благовонней растущих на острове Ин...

На соснах высоких вьют аисты гнезда свои,

Лазурных драконов скрывают потоков струи.

Горы хранят ревностно

Память седой древности,

Давних времен следы;

Вечна краса памятников

Благочестивым праведникам

У голубой воды...

Выбившись из-под земли, родники серебристо журчат,

В нежной листве песни фениксов пестрых звучат,

Плотный ковер из ползучих растений лежит

На потускневшей поверхности каменных плит.

Тихо бамбук колыхается,

Крик отдаленный слышится,

С западной стороны...

То обезьяны черные,

Легкие и проворные,

Славят восход луны.

В ясном, безоблачном небе восходит она,

Ревностный страж безмятежной обители сна.

Дремлют лианы цепкие,

Свив свои стебли крепкие,

Переплетясь в жгуты,

В яркой одежде шелковой,

Алые, синие, желтые,

Белые — спят цветы.

Тучке залетной невесело в небе одной —

Вот она скрылась за дальнею горной грядой.

Сунь У-кун подошел к воротам и стал звать:

— Эй, старший брат мой, Ньюмо-ван! Отвори! Отвори!

Ворота со скрипом распахнулись, и навстречу ему вышла растрепанная девица с корзиной для цветов в руках. На плече она держала заступ. С виду она казалась простой, скромной работницей, без всяких затей и кокетства, лицо ее дышало добротою.

Сунь У-кун подошел к ней, сложил руки ладонями вместе и сказал:

— Девушка! Потревожу тебя просьбой доложить обо мне твоей хозяйке. Я монах, идущий за священными книгами. По дороге на Запад нам попалась Огнедышащая гора, через которую невозможно перейти. Явился я сюда лишь за тем, чтобы одолжить у царицы ее волшебный веер из бананового листа.

— А ты из какого монастыря, — спросила девица. — И как зовут тебя? Ведь я не знаю даже, как доложить.

— Я иду из восточных земель, — отвечал ей Великий Мудрец, — а имя мое Сунь У-кун.

Девушка вошла в ворота и углубилась в пещеру. Там она встала на колени перед повелительницей Лоча и обратилась к ней:

— О повелительница! У ворот пещеры стоит какой-то странник из восточных земель, который назвал себя монахом Сунь У-куном. Он хочет повидать тебя и попросить твой волшебный веер из листа банана, чтобы перейти через Огнедышащую гору.

Услышав имя Сунь У-куна, Лоча вспыхнула, словно порох, брошенный в пламя, или масло, подлитое в огонь. Лицо ее покрылось красными пятнами, а сердце чуть не лопнуло от ярости.

— Мерзкая обезьяна! И какая наглая! Посмела явиться сюда! Эй! служанки! — приказала Лоча,— подайте мне мои доспехи и оружие!

Она быстро облачилась, взяла в обе руки обоюдоострый булатный меч и выбежала за ворота.

Сунь У-кун успел шмыгнуть в сторону и, притаившись, украдкой разглядывал, какова из себя Лоча и во что одета. Что же он увидел?

Цветным платком повязана головка,
Халат, расшитый облачным узором,
Прекрасным видом привлекает взоры,
Чудесный стан охватывая ловко;
А пояс у нее — из жил тигровых,
Каменьями отделанный богато,
Малютки ножки в туфлях трехвершковых
Видны из-под парчового халата,
Из-под лазоревой блестящей юбки;
Носки у них, что клювик у голубки!
И наколенники ее на славу:
Блестят на солнце золотом червонным,
Расходятся налево и направо,
Как бы усы колючие дракона.
В руках она булатный меч держала,
И гневно звонким голосом кричала.

Был злобный лик ее ничуть не лучше,
Чем у колдуньи, на луне живущей.

Расхаживая за воротами, Лоча громко кричала:

— Где Сунь У-кун?

Сунь У-кун вышел к ней, поклонился в пояс и сказал:

— Золушка! Я здесь! Почтительно кланяюсь тебе! Сплюнув от злости, Лоча заорала:

— Какая я тебе золушка?! Нужны мне твои поклоны, негодяй этакий.

Сунь У-кун спокойно отвечал ей:

— Ньюмо-ван когда-то побратался со мною и признал себя моим седьмым братом. Недавно я узнал, что ты изволила выйти за него замуж. Как же мне иначе величать тебя, как не золушкой?

— Негодная ты обезьяна!—продолжала браниться Лоча. — Если ты побратался с мужем, то как же посмел погубить моего любимого сына?

Сунь У-кун притворно спросил:

— А кто твой сын?

— Моего сына зовут Красный младенец, он великий князь, Просвещенный младенец Ин, рожденный в пещере Огненных облаков, у горного потока Высохшей сосны, стекающего с горы Воплей. Это ведь ты погубил его. Мы с мужем никак не могли найти тебя и отомстить за сына, а теперь ты сам явился на свою погибель. Неужели ты думаешь, что я пощажу тебя?!

Расплывшись в самой любезной улыбке, Сунь У-кун отвечал ей:

— Милая золушка! Ты не разобралась в этом деле и незаслуженно сетуешь на меня, старого Сунь У-куна! Твой сынок схватил было праведного монаха, моего наставника, и собирался не то сварить, не то изжарить его. Но, к счастью, бодисатва Гуань-инь спасла его от беды, а сына твоего забрала к себе. Он и сейчас находится у нее в услужении — зовется отроком Шаньцай, получил откровение в праведном учении Будды, никогда не познает мук рождения и смерти, не будет ни грязным, ни чистым, жизнь его будет вечной, как небо и земля, а долголетие уподобится солнцу и луне. И вот вместо того чтобы благодарить меня за то, что я облагодетельствовал твоего сына, ты еще бранишь меня! С какой же это стати, а?

— Ишь ты, какая хитроумная обезьяна! — уже более мягко произнесла Лоча. — Пусть даже сынок и сохранил жизнь, но как он сможет теперь повидаться со мною? Побывать в родительском доме?

— Да разве это трудно устроить, дорогая золовушка? — улыбаясь, сказал Сунь У-кун. — Если хочешь повидаться с ним, одолжи мне свой веер, я загашу огонь, проведу моего наставника через гору и сразу же отправлюсь к Южному морю, где живет твой сынок. Я попрошу его явиться к тебе и с ним передам твой веер. Разве это невозможно? И если ты заметишь, что у твоего сына хоть один волос на голове пострадал или найдешь на нем хотя бы маленькую царапину, ругай меня как хочешь. Если же он окажется лучше и красивее, чем прежде, то тебе придется благодарить меня.

— Ах ты, дьявол этакий! Поменьше болтай языком, — вскричала Лоча. — Давай-ка сюда свою шею, я стукну по ней несколько раз! Стерпишь, так и быть, одолжу тебе веер, а нет, так готовься предстать перед владыкой преисподней князем Янь-ваном!

Сунь У-кун скрестил руки на груди, вытянул шею и, посмеиваясь, сказал:

— Ты лучше сама поменьше болтай, золовушка! Вот тебе моя бритая голова, руби ее сколько хочешь, пока духу хватит! А веер все же придется одолжить.

Тут Лоча схватила меч обеими руками и, вращая его колесом, стала колотить Сунь У-куна по шее. «Бим-бом, бим-бом», — разнеслось в воздухе. Лоча нанесла Сунь У-куну больше десятка ударов, но он стоял как ни в чем не бывало. Лоча испугалась и собралась было бежать, но Сунь У-кун остановил ее:

— Золовушка! Куда ты? Давай же мне твой веер поскорей!

— Я свой веер так легко никому не одалживаю, — отвечала Лоча капризным тоном.

— Ну, раз добром не желаешь одолжить, так отведай посох своего шурина! — обозлился Сунь У-кун.

Ну и молодец Царь обезьян! Схватив царицу одной рукой, он другой вытащил из уха иглу, взмахнул ею и сразу же превратил в посох толщиной с плешку. Но Лоча все же вырвалась и, замахнувшись мечом, бросилась на Сунь У-куна. А тот, вращая посохом, начал отбиваться и наносить удары. И вот перед горой Изумрудных облаков завязался бой. Противники забыли о чувствах любви и родства и лишь пылали злобой и мщением.

Ну и жаркий это был бой!

Красавица, одетая нарядно,

С прическою затейливой, приглядной,

Владевшая наукой превращенья, —
По сути дела оборотень страшный, —
Пылая злобой, движимая мщеньем,
Готова в бой пуститься рукопашный.
А Сунь У-кун, скрывая нрав свой дерзкий,
Свой гнев, свою невольную тревогу,
Готовый на лукавые уступки,
Дабы открыть наставнику дорогу,
Склонился перед оборотнем в юбке,
Умильно руку прижимая к сердцу,
И Лочу ласково просил сначала
Им одолжить на время опахало.
Однако та его словами не пленилась,
И тотчас же за острый меч схватилась.
Ум невелик у женщины, что смеет
Затеять драку с молодым мужчиной -
Мужчина женщину бесспорно одолеет,
Сама природа их тому причиной.
Жалея Лочу, Сунь У-кун старался
Ее не допустить до униженья,
До горечи нежданной поражения,
И потому ей родичем назвался.
Но та его и слушать не хотела:
Своим мечом размахивая смело,
На недруга бросалась в исступленье.
Вот раз, другой она его задела,
Тогда и палица его вступила в дело.
В искусстве боя состязаясь, оба

Ни сил своих, ни жизни не щадили;
Снедаемые ненасытной злобой,
Друг другу меткие удары наносили.
Пуская в ход и хитрости, и силу,
То отступая в мнимом утомленье,
То наступая с превеликим рвением,
Один другого победить стремились,
И оба не заметили мгновенья,
Когда на небе солнце закатилось,
И светлые лучи его сокрылись
В пурпурной, догорающей заре.
Проворно Лоча руку протянула,
Волшебным веером своим лишь раз взмахнула,
И загрузили духи на горе.

Лоча билась с Сунь У-куном до самого вечера. И наконец, почувствовав, что противник все так же тяжело бьет своим посохом, нанося удары не переставая, она убедилась в невозможности одолеть его. Улучив момент, Лоча извлекла волшебный веер, и как только взмахнула им, так сразу же налетел бешеный порыв ветра, подхватил Сунь У-куна и понес неизвестно куда.

Торжествуя победу, Лоча вернулась к себе.

Между тем Сунь У-кун, барахтаясь, неся по ветру, не зная, за что зацепиться, и рискуя ежеминутно разбиться насмерть.

Всю ночь его кружило в воздухе, словно осенний лист или лепесток, попавший в водоворот, и лишь к утру он опустился на вершине какой-то горы, ухватившись обеими руками за выступ скалы. Он долго не мог отдышаться и все озирался по сторонам, разглядывая местность. Наконец он догадался, что попал на малую гору Сумеру, и из груди его вырвался протяжный стон.

— Ну и лихая баба! — промолвил он. — Как удалось ей загнать меня, старого Сунь У-куна, в этакую даль? Помнится, в каком-то году мне довелось побывать здесь и просить здешнего бодисатву Линцзи покорить оборотня по прозванию Желтый ветер. Таким образом был спасен мой наставник. До вершины горы, на которой обитает Желтый ветер, более трех тысяч ли прямо на юг. Сколько же десятков тысяч ли я пролетел, свернув с запада на юго-восток? Надо спуститься с горы, пойти к бодисатве Лин-цзи и узнать у него, как вернуться на прежнюю

дорогу.

Пока он раздумывал, неожиданно ударил колокол. Сунь У-кун быстро сбежал вниз и направился прямо в монастырь.

Привратник сразу же признал Сунь У-куна по внешнему виду и поспешил доложить о нем.

— О бодисатва! — сказал он, — тот волосатый мудрец, который в позапрошлом году приходил к тебе и просил справиться с оборотнем Желтым ветром, снова явился.

Бодисатва понял, что это Сунь У-кун, поспешно сошел с воз вышения, на котором восседал, и вышел навстречу гостю. Введя Сунь У-куна в помещение, он церемонно поклонился ему.

— Поздравляю! — любезно проговорил он. — Вы, наверное, уже получили священные книги?

— Где там! — печально отвечал Сунь У-кун. — Еще очень рано говорить об этом!

— Раз ты еще не побывал в храме Раскатов грома, зачем же пожаловал ко мне, в эту глушь?

— С того самого года, когда ты внял моей просьбе и расправился с оборотнем Желтым ветром, я непрерывно находился в пути и изведаль столько горя и бед, что не знаю даже, как рассказать тебе обо всем. Мы достигли Огнедышащей горы, но перейти ее невозможно. Я спрашивал местных жителей, и они сказали мне, что у какого-то праведника по прозванию Железный веер есть веер из бананового листа. Стоит только взмахнуть им, и огонь погаснет. Я отправился на розыски и узнал, что этот праведник не кто иной, как супруга Князя с головой быка и мать Красного младенца. Лоча стала ругать меня за то, что по моей милости сын ее находится теперь в услужении у бодисатвы Гуаньинь и она лишена возможности видаться с ним, ненавидит меня как врага, хочет отомстить и, конечно, отказалась одолжить мне веер, вступив со мною в бой. Поняв, что ей со мной не справиться, и удары моего посоха очень тяжелы, она взмахнула своим веером, меня подхватил бешеный вихрь и, как видишь, принес сюда. Я только что спустился с вершины этой горы, за которую мне удалось зацепиться. Вот каким образом я очутился у тебя здесь в твоём монастыре. Прошу тебя, скажи, как мне вернуться на прежнюю дорогу. Сколько тысяч ли до Огнедышащей горы?

Бодисатва Линцзи засмеялся:

— Эту женщину зовут Лоча, — сказал он, — а еще называют ее царицей Железный веер, так как у нее есть веер из бананового листа. Это, собственно говоря, волшебный талисман, порожденный небом и землей после того, как был упорядочен первоначальный хаос. Небо и земля произвели его за горой Куэньлунь. Этот веер представляет собой лист, впитавший в себя силу Луны. Вот почему им можно погасить любой огонь. Если же махнуть этим веером на человека, то его унесет за восемьдесят четыре тысячи ли, и только тогда ветер утихнет. Но от этой горы до Огнедышащей всего лишь пятьдесят с лишним тысяч ли. Видно, тебе, Великий Мудрец, удалось опуститься здесь только потому, что ты смог несколько задержать полет

облака. А простого смертного унесло бы еще дальше.

— Вот это здорово! — то и дело восклицал Сунь У-кун, слушая бодисатву, а потом спросил: — Как мне все же переправить моего наставника на ту сторону горы?

— Ты не беспокойся! — отвечал бодисатва. — Видно, это тоже испытание, выпавшее на долю Танского монаха, и зачтется тебе как заслуга.

— О какой заслуге ты говоришь? — удивился Сунь У-кун. Бодисатва Линцзи неспеша отвечал:

— Когда Будда Татагата поучал меня, в том же году он подарил мне пилюлю, спасающую от ураганного ветра, и жезл Летающего дракона. Этим жезлом я одолел злого духа ветра, а пилюля еще цела. Дарю ее тебе, Великий Мудрец. Пусть, теперь эта чертовка машет на тебя своим веером, ты даже не шелохнешься, зато тебе удастся раздобыть у нее веер и погасить огонь. Разве это не явится твоей заслугой?

Сунь У-кун склонил голову, совершил поклон, как положено монахам, и от всего сердца стал благодарить бодисатву. Тем временем бодисатва достал из рукава парчовый мешочек, вытащил из него волшебную пилюлю и дал Сунь У-куну. Тот спрятал пилюлю за воротник и крепко-накрепко зашил. Провожая Сунь У-куна за ворота, бодисатва сказал:

— Не смею тебя задерживать! Лети прямо на северо-запад, там и будет гора, где живет Лоча.

Сунь У-кун распрощался с бодисатвой Линцзи и вспрыгнул на облако, которое помчало его обратно к горе Изумрудных облаков. Он добрался туда очень быстро и, подойдя к воротам пещеры, стал стучаться в них своим железным посохом.

— Отворяйте! Отворяйте! — кричал он. — Это я — Сунь У-кун, пришел за волшебным веером.

Привратницы испугались и побежали к своей повелительнице.

— Госпожа ты наша! Монах, который приходил за веером, снова явился!

Лоча встревожилась и подумала про себя: «Ну и ловкая же эта обезьяна! Если б я махнула веером на обыкновенного человека, то его унесло бы за восемьдесят четыре тысячи ли! Как же он сумел так быстро вернуться? Не успела я махнуть, а он опять явился! Ну, ничего, на этот раз я ему покажу! Махну на него не раз, а два или три! Пусть его занесет так, чтобы он не нашел дороги обратно». Она оправила на себе одежды, взяла меч и вышла из ворот.

— Эй, Сунь У-кун! — крикнула она. — Ты что? Не боишься меня? Опять за своей смертью пришел?

— Не скупись, дорогая золовушка! — смеясь, отвечал Сунь У-кун. — Я не отстану от тебя, пока не одолжишь мне веер. А как только переправлю своего наставника, Танского монаха, через эту гору, так сейчас же верну тебе твою драгоценность. Я — достойный муж, правдивый и искренний, даже чересчур, — пошутил он, — а не какой-нибудь подлец, который не возвращает долгов.

Но Лоча снова принялась ругаться:

— До чего же ты мерзкая и надоедливая обезьяна! — кричала она. — Бесцеремонная и нахальная! Я еще не отомстила тебе за моего сыночка, которого ты отнял у меня. Неужели ты думаешь, что я одолжу тебе свой веер по доброй воле? Если ты сейчас же не уберешься отсюда, то отведаешь вкус моего меча!

Однако Великий Мудрец не проявил ни малейшего страха.

Он схватил свой посох и, размахивая им, пошел навстречу разъяренной Лоче. Они схватывались несколько раз, наконец Лоча не выдержала, почувствовала слабость в руках, и ей стало тяжело вращать мечом. А Сунь У-кун, напротив, чувствовал прилив сил и явно одолевал ее. Видя, что ей несдобровать, Лоча выхватила свой веер и махнула им прямо на Сунь У-куна. Но тот стоял как вкопанный и даже не шелохнулся. Спрятав посох, он весело рассмеялся и сказал:

— На сей раз ничего у тебя не получится. Как хочешь махи на меня своим веером, и если я сдвинусь с места, можешь не считать меня храбрым воином.

Лоча махнула веером еще два раза, но Сунь У-кун стоял не двигаясь. Тут она совсем растерялась, поспешно спрятала свой талисман, повернулась и убежала в пещеру, крепко заперев ворота. Тогда Сунь У-кун прибег к своему испытанному средству. Он распорол ворот, взял в рот пилюлю против ветра, встряхнулся, превратился в цикаду и пролез в пещеру через щель в воротах. Там он увидел Лочу, которая кричала своим служанкам: «Умираю от жажды! Подайте мне чаю скорее!» Прислужницы тотчас же подали ей целый чайник ароматного чаю и так поспешно налили ей чашку, что чай даже вспенился. Увидев пену над чашкой, Сунь У-кун обрадовался, расправил крылышки и прыгнул прямо в чашку под пену. Лоча так хотела пить, что, приняв чашку от служанок, разом осушила ее. Сунь У-кун таким образом оказался у нее в животе и, приняв свой первоначальный вид, стал кричать оттуда, что было мочи.

— Золовушка! Одолжи мне свой веер!

От испуга Лоча изменилась в лице.

— Служанки! — крикнула она, — заперты ли передние ворота?

— Заперты! — дружно ответили ей все прислужницы. — Как же так? — удивилась она. — Если ворота заперты, то как может Сунь У-кун орать у меня в доме?

— Да он кричит где-то здесь, совсем близко, — робко сказала одна из прислужниц.

— Сунь У-кун! Где ты? — спросила Лоча. — Перестань шутить!

— Старый Сунь У-кун никогда в жизни не шутил, — обиделся тот. — Я все делаю по-настоящему, с помощью волшебных способов. Сейчас я нахожусь у тебя в животе, золушка, и забавляюсь здесь. Вижу твои легкие и печеньку. Знаю, что тебя мучают голод и жажда. Дозволь же мне угостить тебя полной чашей, чтобы ты утолила жажду.

С этими словами он надавил ногою. Лоча сразу же почувствовала нестерпимую боль в нижней части живота и со стоном упала наземь.

— Золушка! Не отказывайся! — говорил тем временем Сунь У-кун. — Сейчас я угощу тебя вкусным блюдом, чтобы ты утолила голод.

Тут он поддал головой вверх. У Лочи так схватило сердце, что она стала кататься по земле. У нее даже лицо пожелтело и посинели губы.

— Шурин мой, родненький! — взмолилась волшебница. — Дорогой мой Сунь У-кун, пощади меня!

Сунь У-кун перестал действовать.

— Ну как? Теперь ты, наконец, признаешь меня своей родней? — ехидно спросил он. — Так и быть, ради моего дорогого брата Ньюмо-вана пощажу тебя на сей раз. Давай скорее свой веер.

— Родной мой, веер здесь! — простонала Лоча. — Ты только вылезай скорее и бери его!

— Нет, сперва покажи мне его: когда увижу, тогда и вылезу! — упрямылся Сунь У-кун.

Лоча велела служанкам принести веер из бананового листа. Сунь У-кун вскарабкался до горла и сквозь рот увидел веер.

— Ну, золушка! — молвил он. — Раз уж я пощадил тебя, то не стану проламывать тебе нижнее ребро и вылезать через отверстие в боку. Дай-ка вылезу через рот. А ты пошире раскрой его три раза.

Лоча раскрыла рот, а Сун У-кун, превратившись в цикаду, выскочил и уселся на веере. Лоча даже не заметила, как он вылетел, и продолжала разевать рот, приговаривая:

— Дорогой! Вылезай скорее!

Сунь У-кун принял свой первоначальный вид, взял веер и крикнул:

— Да вот я здесь! Не видишь, что ли? Спасибо тебе за веер! Большое спасибо.

Быстрыми шагами он направился к выходу. Служанки поспешио открыли ворота и выпустили его. Великий Мудрец вспрыгнул на облако и, повернув его, полетел на восток. Он мигом долетел до красной усадьбы, прижал край облака и спрыгнул прямо у красной кирпичной стены. Чжу Ба-цзе первым увидел его и очень обрадовался.

— Наставник! — закричал он. — Старший брат Сунь У-кун прибыл! Явился, наконец!

Танский монах с хозяином усадьбы и с Ша-сэном тотчас вышли из ворот встретить Сунь У-куна. Все вместе они вошли в помещение. Держа перед собой веер из бананового листа, Сунь У-кун обратился к старцу:

— Скажи, пожалуйста, уважаемый хозяин, тот самый это веер или нет?

— Да, да! Он самый! — отвечал старец.

Танский монах несказанно обрадовался.

— Просвещенный ученик мой! — произнес он. — Это одна из величайших твоих заслуг, которой нет равной! Надо думать, не легко тебе достался этот волшебный талисман!

— Не будем говорить об этом! — скромно отвечал Сунь У-кун. — А знаешь, кем оказался праведник по прозванию Железный веер? Оказывается, это супруга самого Князя с головой быка, Ньюмо-вана, мать Красного младенца. Зовут ее Лоча, а еще называют царица Железный веер. Я попросил ее одолжить мне веер, но она вспомнила старую вражду и грозила мстью. Она пыталась отрубить мне голову мечом, но ничего не вышло. Когда же я пугнул ее посохом, она махнула веером, меня подхватил бешеный вихрь, и я очутился у малой горы Сумеру. К счастью, там я встретился с бодисатвой Линцзи, который подарил мне пилюлю, защищающую от любого ветра, и указал обратный путь. Я снова отправился на гору Изумрудных облаков. Но Лоча, как и в первый раз, махнула на меня веером, однако на этот раз я даже не шелохнулся. Она скрылась в пещере, а я, старый Сунь У-кун, превратился в цикаду и тоже проник в пещеру. Чертовка в этот момент потребовала чаю. Тогда я забрался в чашку, и она проглотила меня. Оказавшись у нее в животе, я причинил ей нестерпимую боль, и она стала звать меня всякими ласковыми именами, запросила пощады и пообещала веер. Я пощадил ее, взял веер и дал слово вернуть его обратно, как только мы переправимся через Огнедышащую гору.

Танский монах выслушал все, что рассказал ему Сунь У-кун и не переставая выражал свою признательность. Затем наставник и его ученики поблагодарили старца за гостеприимство и распрощались.

Они прошли примерно сорок ли и остановились. Дальше идти было невозможно. Ша-сэнь первым стал кричать: «Ой, не могу, пятки жжет!».

Вслед за ним заорал Чжу Ба-цзе: «Ой, братцы, не могу! Копыта горят!».

Да и конь стал бежать быстрее: раскаленная земля жгла ему копыта.

— Наставник, — сказал тут Сунь У-кун, — слезь, пожалуйста, с коня. А вы, братцы, тоже остановитесь и никуда не уходите! Я пойду затушу огонь, вызову ветер и дождь. Пусть земля немного охладится, тогда мы сможем отправиться дальше и перейдем через гору.

Подняв веер, Сунь У-кун пошел вперед, туда, где полыхал огонь, и изо всей силы махнул веером. Громадный столб огня сразу же вырвался из жерла горы. Сунь У-кун махнул еще раз — огонь увеличился во сто крат. Он еще раз махнул и, о, ужас, пламя высотой более тысячи чжан вскинулось к небу. Сунь У-кун почувствовал, что его обожгло. Он стремительно повернул назад, но как ни бежал, шерсть на обеих ягодицах у него сгорела дотла.

Подбегая к Танскому монаху, он издали закричал ему:

— Живей поворачивайте назад! Живей назад! Огонь приближается, огонь!

Наставник взобрался на коня и в сопровождении Чжу Ба-цзе и Ша-сэна повернул обратно на восток. Отъехав около двадцати ли, они остановились передохнуть.

— Что же случилось? — спросил Танский монах.

— Ничего не вышло! — воскликнул Сунь У-кун, отбросив веер. — Эта тварь обманула меня! Все пропало!

Танский монах при этих словах нахмурился, сердце его сжалось от боли и из глаз хлынули непрошеные слезы.

— Как же нам быть? Что делать? — всхлипывал он.

— Что же произошло, братец? — спросил любопытный Чжу Ба-цзе. — Отчего это ты вдруг так поспешно вернулся и велел нам возвращаться?

— Вот как все получилось, — начал рассказывать Сунь У-кун. — Когда я первый раз махнул веером, огонь запылал сильнее. Когда махнул во второй раз, огонь стал еще более свирепым, а когда махнул в третий раз, в небо на тысячу чжан взметнулось огромное пламя. Если бы я бежал не так быстро, огонь спалил бы всю мою шерсть!

— Что же ты раньше хвалился, что тебя и гром не убьет, и огонь не спалит? — насмешливо спросил Чжу Ба-цзе.

— Эх ты, Дурень! — отвечал Сунь У-кун. — Ничего ты не смыслишь! Стоит мне применить волшебную силу и меня действительно ничто не возьмет. Но на сей раз я был занят тем, что старался затушить огонь и не успел прочесть никакого заклинания. К тому же я не применил волшебства, которое охраняет от огня, вот почему у меня и обгорела шерсть на ягодицах.

— Видно, нам не пробиться на Запад через такой огонь, — вмешался в разговор Ша-сэн. — Что же теперь делать?

— Надо найти место, где нет огня, и там пройти! — посоветовал Чжу Ба-цзе. — Больше ничего не придумаешь.

— А где мы найдем такое место? — спросил Танский монах.

— Как где? На востоке, на юге, на севере — нигде нет огня.

— Ну, а где есть священные книги?

— На Западе, — отвечал Чжу Ба-цзе.

— Тогда я пойду только на Запад, — произнес Танский монах решительным тоном.

— Там, где священные книги, бушует огонь, — заметил Ша-сэн, — а где нет огня, нет и священных книг. Вот уж поистине попали в тупик.

И вот в то время как наставник и ученики переговаривались между собой, неожиданно прозвучал громкий голос:

— Великий Мудрец! Не отчаивайся! Приглашаю вас всех подкрепиться немного, а там посмотрим, что делать.

Все четверо разом обернулись и увидели пожилого человека, одетого в легкий плащ, развевающийся по ветру, и шапку, похожую на полумесяц. В руках он держал посох с набалдашником в виде головы дракона, на ногах были сапоги с железными голенищами. За незнакомцем стоял прислужник с клювом орла и мордой, напоминающей рыбью голову. К голове прислужника был прикреплен медный таз, наполненный блинами, хлебцами и просяной кашей. Стоя у западной стороны дороги, человек этот склонился в глубоком поклоне и сказал:

— Я — дух земли на Огнедышащей горе. Мне стало известно, что ты, Великий Мудрец, охраняешь праведного монаха в его путешествии. Сейчас вы все равно не можете продолжать

свой путь, поэтому приглашаю вас подкрепиться.

— Еда — пустяки, а вот как загасить огонь на горе, чтобы мой наставник смог пройти дальше, — вот что главное.

— Чтобы загасить огонь, — отвечал дух земли, — надо обратиться к царице Лоче и выпросить у нее волшебный веер.

Сунь У-кун отошел в сторону, нашел брошенный веер и, показывая его духу земли, сказал:

— Да ведь вот он, этот веер. Почему же от действия его огонь еще сильнее разгорается?

Дух земли внимательно осмотрел веер и засмеялся:

— Это не настоящий! — сказал он сквозь смех. — Она тебя обманула!

— Как же получить настоящий? — спросил Сунь У-кун.

Дух земли вновь низко поклонился и с легкой усмешкой произнес:

— Если хочешь достать настоящий веер, надо обратиться к самому Князю с головой быка, Ньюмо-вану.

Почему надо было обратиться к самому князю, вы узнаете, читатель, из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288136>